

Розовое послеполуденное небо растворилось в чернильно-черном, полосы красного и синего перешли в более глубокие оттенки ночи. Ветер трепал волосы Джона со вздохом возбуждения; прохладный ветерок на больную шею, которая не двигалась больше двух часов. Музыка гремела в летний вечер, переплетаясь с толпой, когда они праздновали. Схватка, наконец, подошла к концу, Дикон Тарли одержал узкую победу над Гарри Хардингом, к радости многих дам в зале.

Сидя в уединении на королевских трибунах, Джон наблюдал, как чемпион рассказывает по импровизированным площадкам, комично высоко подняв голову, подмигивая и махая подмигивающим болельщикам. В какой-то момент он даже наклонился, чтобы поцеловать в лоб предложенного ребенка. Джон закатил глаза, когда рядом с ним насмешливо застонал Эйгон. "Боги, вы когда-нибудь видели более крупного дрючера?" — бормотал ему брат себе под нос, качая головой. Он остановился, когда поймал острый взгляд Джона и толкнул его плечом. — Заткнись, я не так уж плох, — запротестовал он.

Джон фыркнул, улыбка играла на его губах. — О нет, ты в миллион раз хуже. Признайся, тебя просто раздражает, что Тарли сегодня уделяют больше внимания, чем тебе. Твой жених, кажется, наслаждается зрелищем.

Братья наклонились вперед, чтобы посмотреть через помост на свою сестру. Глаза Рейни, не мигая, были устремлены на Дикона Тарли, в знак признательности осматривая его фигуру.

Эйгон недоверчиво фыркнул и драматично откинулся на спинку сиденья. — Ближний бой не так уж и сложен, — проворчал он. «Любой дерьмо с мечом и шепоткой мастерства может победить. Поединок — это то, ради чего люди здесь на самом деле, знаете ли».

«Ну, в таком случае, — ответил Джон, игриво постукивая его по плечу, — ты можешь привыкнуть наблюдать за победителем из тени, брат, раз тебе никогда не выиграть поединок. Пока я не выиграю». м в нем, во всяком случае».

Серебряный принц одарил его свирепой ухмылкой, веселье плясало в фиалках его глаз. — Я слышал, это пари? Если я подмету пол вместе со всеми, ты должен мне, скажем, двадцать золотых драконов.

«Я дам тебе пятьдесят, если ты доберешься до финального раунда».

«Сто, если ты пройдешь полуфинал».

— Вот что я тебе скажу. Давайте поднимем цену до двухсот. Бери или оставь.

Глаза Эйгона расширились. "Ты безумен." Он задумался на мгновение, прежде чем протянуть руку. «Но кто я такая, чтобы мешать человеку, который так отчаянно пытается опустошить свои карманы? Считайте это сделкой».

Джон сиял, впитывая образ своего лучшего друга, дико ухмыляющегося ему, возбуждение и радость висели вокруг него, как капли росы. Он остриг большую часть своих волос перед началом турнира, оставив серебристые пряди, едва касавшиеся затылка и лба. Это делало его невероятно моложе. На мгновение Джону представилось, что ему тридцать лет, он только что открыл для себя мир и все его возможности, а не двадцать два года, когда у него скоро появится собственная семья.

Иногда он задавался вопросом, насколько тревожно спокойны Рейнис и Эйгон, казалось, относились к своей свадьбе, но он никогда не осмелился бы произнести это вслух. Он не

собирался щекотать спящего дракона. Или два, в данном случае.

Игнорируя его ленивые мысли, улыбка Джона превратилась в короткий взрыв смеха. "Я буду богатым человеком к концу этого турнира, с вашей любезности."

Эйгон по-детски показал ему язык, когда они встали, чтобы следовать за остальными членами своей семьи вниз по помосту, быстро скосил его лицо, когда Королева бросила неодобрительный взгляд на его выходки. Джон снова хихикнул себе под нос. Две сотни золотых драконов легко купят ему меч, который он присматривал в магазине Тобхо Мотта несколько лун назад, но не хотел тратить деньги. Это было бы, безусловно, самое легкое пари, которое он когда-либо выигрывал против своего брата. Джон знал, что у него нет шансов победить наследного принца в поединке, не на глазах у всего мира. Дело было не в мастерстве, а во внешности. Толпы были здесь, чтобы посмотреть на победу Эйгона, а не на лишнего принца, которого они не любили. По крайней мере, он получит из этого еще один новый меч с мелочью.

Они были последней парой, спустившейся по ступеням возвышения. Эйгон, засунув руки глубоко в карманы, неторопливо спустился на землю. — Знаешь, Джон, прошла целая вечность с тех пор, как мы немного развлекались, — сказал он через плечо. «Что, скажешь, мы сегодня празднуем должным образом? Ты, я, другие ребята и лучший институт, который может предложить город!» У подножия ступеней он резко развернулся и театрально раскрыл руки, словно предлагая миру.

Джон остановился, все еще стоя на верхней ступеньке, и прищурился, глядя на улыбающегося мужчину внизу. «Мы говорим о вашем определении прекрасного института или о чем-то привлекательном для любого, у кого есть хоть капля чувства собственного достоинства?»

Брат бросил на него раздраженный взгляд. «Ну, учитывая, что ты предпочитаешь дуться в углу и дуться о трагедии своего существования, мое определение не утомит всех до слез».

Джон остался стоять на возвышении, щурясь на принца. Речь шла о «прекрасном институте» Чатайи, высококлассном борделе, который гордо возвышался на холме Рейнис: роза, которая красовалась на солнце, но с корнями, укоренившимися в тени и тайне. Популярный среди богатых и распутных, Джон только однажды посетил город, когда проскользнул в город через канализацию с Эйгоном. Это было почти семь лет назад, и наивный и наивный ребенок, которым он был, решил, что это шикарная гостиница, которой управляют хорошенькие девушки.

Это был шок, когда он узнал обратное.

«Эгг, мы не пойдем в бордель».

Улыбка внезапно сползла с лица Эйгона. "Почему бы и нет?" — раздраженно заскулил он.

Джон вздохнул. «Потому что я не проведу наш первый нормальный вечер за более чем шесть лун, когда ты бросишь меня ради шлюхи», яростно провозгласил он, скрестив руки на груди. «Вы знаете, что это произойдет».

Его брат надулся на него, прежде чем молча пожать плечами. «Если ты настаиваешь. Мы отправимся к нашему старому месту на холме Рейнис с несколькими бутылками вина».

Джон удивленно моргнул. Он не ожидал, что тот сдастся так легко.

"А потом мы посетим бордель!"

Вот оно.

Эйгон ухмыльнулся Джону, прежде чем повернуться на каблуках. «Встреть меня у Королевских ворот через пятнадцать минут! И приводи всех, кого найдешь!» — отозвался он, насвистывая на ходу. Два королевских гвардейца следовали за ним, волна лордов и дам, шаркающих назад в город, расходилась по швам, пропуская его.

Он подумал о том, чтобы извиниться, но это была в лучшем случае половинчатая мысль. Эйгон был прав — слишком давно они не проводили время как братья. Как бы он ни ненавидел делить свою компанию с куртизанками и прочими лордами, это было лучше, чем вообще его не видеть. По крайней мере, часть вечера можно будет провести в хорошей компании и с хорошим вином. Боги знали, что ему нужен хороший перерыв, особенно после недавних событий.

Напоминание о его все еще невероятно актуальной проблеме пульсировало в его боку, как шип. Он поднял голову, чтобы взглянуть в толпу, ища источник своих проблем. Прошло три дня с тех пор, как Арья унеслась прочь, оставив его одного в подвале, уставившегося на нее. Сразу же после их катастрофической встречи Джон почувствовал себя полным идиотом. В глубине души он знал, что она не виновата в том, что увидела одно из его самых сокровенных воспоминаний. Он глупо оборонялся, все еще не зная об их связи и нуждаясь в причине, чтобы наброситься на него. После деликатной сцены, которую она ему показала, Джон почувствовал себя еще хуже.

Ему никогда не приходило в голову, что у Арьи могут быть какие-то проблемы с приспособлением, по крайней мере, с собственной семьей. В ней был какой-то магнетизм, в ее грубой честности того, кем она была, что привлекало внимание любого, кто стоял рядом с ней. Джон воображал, что она заводит дружбу так же легко, как дышать, чего он никогда не мог себе позволить. Он вспомнил тот день, когда они танцевали на площади, когда она была окружена всевозможными лоскутами общества: принадлежность, как будто она была просто недостающей нитью, связывающей их вместе. Это было завидно, но достойно восхищения, и он никогда не жалел внимания на то, что кто-то может увидеть иначе.

С его стороны было наивно предполагать что-либо о ней. Арья была кем угодно, только не предсказуемой. Он хотел извиниться на следующее утро, но она сочла нужным игнорировать его на каждом шагу. Было очевидно, что она избегает его, и в последние дни схватки его внимание переключилось на семью и другие обязанности. У него было не так много возможностей найти ее и исправить свою ошибку. Он даже пытался достучаться до связи, как бы нелепо это ни казалось, бормоча извинения шепчущему присутствию, не зная, слышит она его или нет.

То, что он получил от своих усилий, было полной тишиной, хотя мерцание сознания непрерывно мерцало в затылке.

Но через три дня Джон напрягся. Они почти ничего не узнали о том, как разрешить свое затруднительное положение, а поскольку через пару дней начнется поединок, их время, проведенное вместе, истекало. Он не хотел думать о том, что произойдет, если она покинет Королевскую Гавань, не разорвав связи.

Лениво он оглядел движущуюся толпу, позволив своим глазам блуждать. Почти сразу же его привлекла гибкая фигура, закутанная в серые бриджи, идущая по краю арены, со знакомым взмахом темных волос, падающих на ее плечи. Вытянутое лицо Арьи осветилось юмором, когда она оживленно болтала со своим рыжеволосым братом. Джон не мог не позволить своему вниманию задержаться. Она рассмеялась легко, небрежно, совершенно не подозревая — или

не заботясь — о том, насколько неэлегантным это может показаться. И она определенно привлекла несколько презрительных взглядов, когда наклонилась, затаив дыхание хихикая и хватаясь за другого Старка. Джон не знал многих дам, которые были бы так щедры на свои эмоции. Элия и Рейнис были совершенно сдержанны на публике и грациозны и сдержанны наедине, как и большинство женщин, которых он знал в детстве.

Это делало Арию интригующим зрелищем, как закатное небо: сияние цвета и тепла, тысяча различных штрихов, ожидающих своего открытия, если только смотреть достаточно долго.

"Ваша милость?"

Вздвогнув, Джон оторвал взгляд от девушки Старк и увидел, что Джейме Ланнистер наблюдает за ним с нижней ступеньки. Одна светлая бровь понимающе приподнята, на губах играет ухмылка. «Надеюсь, я не побеспокоил вас, ваша светлость, но принц Эйгон послал меня, чтобы убедиться, что вас быстро сопровождают к Королевским воротам».

На его щеках выступил румянец, и Джон надеялся, что другой мужчина не видел, как он так откровенно пялится на Арию. Джейме уже был слишком проницателен для его же собственного блага, всегда действуя так, как будто он знал что-то, что еще никто до конца не понял. Это раздражало Джона больше, чем следовало бы.

— Я в порядке, — быстро сказал он, спускаясь по ступенькам, — просто... наблюдаю за толпой. Он прочистил горло, собрался и натянул улыбку, чтобы скрыть свою неловкость. «Полагаю, мой брат беспокоится, что я оставлю его сегодня вечером. Не хотелось бы оставлять его беспокойным слишком долго». Повернувшись на каблуках, он быстро пошел прочь, его лицо было в огне.

ooo

Королевская Гавань простиралась под ними, как бескрайнее море мозаики и звезд. На поверхности он рябил жизнью, морем красок и историй под рукой. Манящий фасад, прикрывавший его почерневшее сердце и догорающие угли, соблазняющий мир вокруг себя искушениями славы. Некоторых он просто проглатывал целиком; другие тонули медленно и мучительно; немногим оно благоволило и возносило их высоко на своих волнах удачи — пока они тоже не были захвачены его чернильной тьмой.

Джон лениво задавался вопросом, какая судьба постигла его, то ли он погружается глубже в ее глубины, то ли все еще каким-то образом плавает наверху в разрушающейся спасательной шлюпке. Так или иначе, он оказался на дне моря. Это была болезненная идея, больше, чем он обычно привык. Он нахмурился в свой кубок. Возможно, вино оказалось крепче, чем он думал.

Он откинулся назад, чтобы опереться на локти и вытянуть ноги на траве. Небольшой костер пылал в центре их небольшого собрания, отбрасывая тени на лица слонявшихся вокруг него лордов. Это было одно из любимых мест Джона — вдоль склона холма Рейнис, с аркадой деревьев и скал позади них, скрывающей их от главной тропы. Со звездами вверху и городом внизу было легко представить себя потерянными в другом мире, подвешенным между самолетами. Он обнаружил его много лет назад вместе с Эйгоном во время одной из их поездок, и с тех пор он стал их местом, хотя Эйгон постепенно перестал приходить, задолго до своего переезда на Драконий Камень. Однако Джон все равно пришел: его личное убежище, когда ему нужно было отдохнуть от Красного замка.

— О, перестань, Гарри. Перестань быть жалким неудачником. Это был честный бой, и ты это знаешь! — раздался громкий голос Дикона Тарли, привлечший внимание Джона. Он взглянул

направо и увидел наследника Хорн-Хилла, хвастающегося своими перьями перед сидевшим рядом Хардингом с кислым лицом.

Гарри пронзительно посмотрел на улыбку Дикона с ямочками. — Ты пнул меня по яйцам, придурок, — прошипел он в ответ. "Это незаконный ход!"

— Я ничего подобного не делал. Твои орехи мешали моей ноге. Вряд ли это моя вина.

— Твое лицо вот-вот встанет у меня на пути, мошенник, сукин сын...

— Довольно, ребята, — громко вмешался Эйгон, распластавшись на траве, одной рукой сжимая целую бутылку вина, а другой подпирая голову. Он изогнул бледно-серебристую бровь, глядя на Дикона и Гарри. «У меня нет никакого желания слушать, как вы двое ссоритесь до конца ночи. Уладьте это на арене, если хотите, но в данный момент вы меня утомляете, так что заткнитесь».

Челюсти обоих лордов захлопнулись со слышимым щелчком.

— Черт, я надеялся, что Гарри надерет Дикону морду, — разочарованно прошептал Эдрик рядом с ним, отмахиваясь от стакана. «Напыщенный член раздражал меня всю ночь».

Джон хихикнул.

Из всех лордов, чью компанию Джон мог терпеть, именно Эдрик Дейн подошел достаточно близко, чтобы назвать его другом. Племянник уважаемого сира Артура Дейна, он выглядел почти так же, как и его знаменитый родственник: блестящие улыбки под густой гривой почти таргариеново-белых волос, с большим почетом в их мизинце, чем половина королевского двора, вместе взятого. Эйгон находил его столь же возбуждающим, как деревянная доска, но терпел его ради дружбы короля с его дядей.

Джон, однако, наслаждался его присутствием. Он был гораздо разборчивее других лордов, находя больше удовольствия с мечом в руке, чем с женщиной в его постели, и именно из-за этого зародилась их собственная дружба. В дорнийце была искренность, которую ценил Джон, доброе сердце, не скрывающее злобы к другим. Слишком просто для его брата, но долгожданная замена змеям при дворе для Джона.

Аккуратные светлые волосы Эдрика были взлохмачены на лбу, на щеках появились красные пятна, когда он одним глотком допил свой стакан. Потянувшись за еще алкоголем, его белая туника соскользнула вверх с бриджей, скомкавшись, когда он откинулся на скалу. Он далек от уравновешенного рыцаря, которым он часто стремился быть.

Группа сидела в дружеской тишине, допивая дорнийское вино и наблюдая за сверкающими огнями вдалеке. Джон подумывал о том, чтобы напиться до беспамьятства в самом начале, но присутствие Арьи, мелькавшее в его голове, неохотно изменило его решение. Выпивка всегда развязывала его язык и его мысли, а присутствие кого-то, посвященного в последнее, сразу лишало его привлекательности. Так что последний час он пил из одного и того же бокала вина, в то время как все стремились утонуть в выпивке.

— Я говорю, а сколько времени уже прошло? С тех пор, как мы все вместе? Эдрик вдруг громко спросил невнятным голосом, привлекая их внимание. «Похоже на кровавые годы».

Гарри лениво почесал щеку, размышляя. «Возможно. У Дикона наконец-то отросли уши, так что ты знаешь, что это было давно». Он нахально ухмыльнулся другому мужчине.

«Я стал больше, чем это», — ответил Дикон, не обращая внимания на колкость и ухмыляясь вокруг костра. «Вышла замуж около трех лун назад. Она уже беременна».

Эйгон плюнул в свою чашку и покатился, пока не сел на корточки, беззастенчиво уставившись на мальчика Тарли. «Ты собираешься стать отцом? Ты совсем не облажался?» — выпалил он в ужасе.

— Не совсем, — краснея, ответил Дикон. «Я чувствую... в каком-то смысле готов. Из-за нее. Я хочу создать с ней семью». Мечтательная улыбка осветила его бледное лицо. «Я скучаю по ней, когда ее нет рядом. Она действительно единственная, кто знает меня лучше, чем кто-либо другой. Это... ну, довольно приятно иметь вторую половинку».

Вокруг группы раздался общий стон. — Если ты начнешь петь, я дам тебе по яйцам, — пренебрежительно пробормотал Гарри. Дикон толкнул его в плечо.

Эйгон посмотрел на Тарли с почти отстраненным любопытством, плясавшим в его глазах. Джон спросил бы его об этом больше, если бы он не был погружен в свои мысли.

Известие о недавней свадьбе Дикона и о предстоящем отцовстве его не особенно беспокоило. Во всяком случае, эта мысль вызвала у него неприятный комок в животе.

Он не забыл обещания отца найти ему невесту к концу турнира. Со всей этой драмой со связью и рукопашным боем Джон мог почти не обращать на это внимания, но паника снова подняла свою уродливую голову в его груди.

Другая половина. Кто-то, кто знал бы его лучше, чем кто-либо другой. Это казалось настолько надуманной идеей, что Джону захотелось рассмеяться, если бы это не было так трагично. Конечно, если бы эта вторая половина знала его так хорошо, она бы знала, насколько сильно его отталкивала сама мысль о том, что он может оказаться в ловушке. В Красном Замке, в браке, к которому он не был готов, в жизни, которой он не хотел. А если бы она знала, что ж, стала бы она просто терпеть это? Будет ли она по-прежнему пытаться любить его, зная, что какая-то часть его всегда будет завидовать ей за то, что она была его цепью? Будет ли она обижаться на него так же сильно, как он обижен на нее?

Джон надеялся, что до последнего никогда не дойдет. Он никогда никому не признавался в этом, но всегда питал надежду на то, что у него будет счастливый брак. Он всегда знал, что однажды ему придется жениться, и когда он был моложе, он мечтал, что она будет красивой и знатной, и ее глаза будут полны смеха. Это был глупый сон, но он все еще время от времени вспоминал его.

Проблеск жизни в его затылке напомнил ему, что он не один. Его бессвязные мысли быстро рассеялись, превратившись в чистый холст. Напоминание о том, что она, вполне возможно, слышала все его размышления, заставило его сжаться в чашке. Вот вам и не напиток и не опозориться.

— А вы, ваша светлость? Голос Эдрика вырвал его из задумчивости, и он обернулся и увидел, что дорнийец с любопытством наблюдает за Эйгоном.

Его брат остановился, держа бутылку почти у губ, и сузил глаза. "Что насчет меня?" — спросил он с раздражением в голосе.

Эдрик неловко поерзал под пристальным взглядом принца. — Я-я просто хотел спросить, как ты относишься к своей свадьбе? — пробормотал он. "Нервный?"

Эйгон запрокинул голову и одним глотком допил остатки вина. Скривившись, он небрежно пожал плечами. — Это формальность, — пробормотал он, не сводя глаз с пляшущего пламени. «Рейнис едва ли чужая, и мы уже живем вместе. Никаких сюрпризов. Сомневаюсь, что свадьба сильно изменит». Он переместился, чтобы лечь на спину и смотреть в небо.

Джон нахмурился от его слов. Он открыл рот, чтобы предположить обратное, когда оказался в центре всеобщего внимания.

"Какая?" — спросил он, ошеломленный.

Эдрик усмехнулся, его гибкий дорнийский акцент усилился в опьянении. «Ты последний шанс леди стать принцессой, приятель. Я удивлен, что Фрей еще не схватил тебя. Все знают, как они отчаянно нуждаются в небольшом королевском внимании».

— Держу пари, тебе это нравится, — Гарри подмигнул Джону, который в ответ закатил глаза. «Тихие всегда самые странные в постели. У Джона, наверное, самые дикие истории из всех нас».

— Пожалуйста. Он никогда не встречал девушку, которая нравилась бы ему больше, чем собственные волосы, — фыркнул Эйгон, потянувшись за следующей бутылкой. «Если мой милый братик лишится девственности до брачной ночи, я устрою праздник во всех семи королевствах».

Джон сузил глаза, глядя на смеющихся мужчин. — Я рад, что моя сексуальная жизнь доставляет тебе такое развлечение, — проворчал он, наполняя свой стакан. Если ему придется терпеть этих придурков, ему нужно больше вина, к черту узы.

— Несуществующий, — легкомысленно поправил его брат. Джон швырнул пробку от вина в его улыбающееся лицо.

Легкое настроение повисло вокруг пятерых мужчин, пронизывая их праздные разговоры и звонкий смех. Их щеки были румяными, волосы взлохмачены, а глубокая синева вечернего неба растворялась в чернильном мраке ночи. Это было легким отвлечением, мгновенным облегчением от мира, который упустил Джон. Но этого было недостаточно.

Этот комок в его животе от всех разговоров о браке превратился в удушающую тяжесть, которую он чувствовал в своих костях. Он погружался в одно из своих «настроений Джона», как назвала его Рейнис, где иногда часами блуждал в своей голове. Обычно это заканчивалось тем, что Эйгон врывается в его комнату и швыряет в него подушками, пока тот не говорит ему, что чувствует себя лучше, или Рейнис спокойно входила с тарелкой его любимых десертов. Однако, пока они были на Драконьем камне, Джон, как правило, либо вымещал свое разочарование на тренировочном манекене с помощью своего меча, либо засыпал, пока не забывал, о чем он должен был беспокоиться. Последнее казалось наиболее привлекательным в данный момент.

— Во имя богов, мы здесь уже так долго? — воскликнул Гарри, глядя на потемневшее небо. — Откроем еще одну бутылку? Или пойдем к Чатайе? Все эти разговоры о свадьбах и женитьбе усиливают аппетит мужчины к разврату.

Ну, он предположил, что это была его реплика.

«Думаю, это все для меня», — тихо объявил Джон, ставя кубок на стол и вставая на ноги. — Я просто вернусь во дворец.

Эйгон резко поднял голову и уставился на лицо Джона. Он переместился под пристальным вниманием. — Еще рано, — возразил его брат. — Мы можем оставаться здесь, сколько хочешь, и забыть о Чатайе. Его глаза изучали его, читая его мысли. Был невысказанный вопрос, ты в порядке? Джон был тронут тем, что ради него пожертвовал блудом, но он не хотел портить настроение всей вечеринке. В любом случае, они уже думали, что он скучный принц.

Он покачал головой, одарив Эйгона натянутой улыбкой. «Я просто устал», — полусолгал он, потирая лицо рукой для выразительности. «Я вряд ли буду веселым в таком состоянии. Наслаждайся остатком вечера». Он ушел, их шепот спокойной ночи отдавался тенью в его шагах.

Джон почти добрался до лошади, когда его крепко схватили за руку. Он повернулся и увидел обеспокоенное лицо Эйгона. В темноте фиалки его глаз слились в две черные лужицы, отчего его лицо стало еще более бледным в лунном свете.

— Ты несчастлив, — сказал он. Это был не вопрос.

Губы Джона скривились, и он пожал плечами. «Я в порядке, Эгг. Просто хочу заползти в постель. Не о чем беспокоиться. Давай, развлекайся с остальными».

Эйгон качнулся на пятках и подозрительно посмотрел на него. «Разве ты не должен читать мне лекции? Поощрять меня наслаждаться моим блудом — это очень непохоже на тебя, брат мой».

«Тогда я надеюсь, что твой член застрянет в бриджах и ты разочаруешь всех своим тусклым выступлением».

— Вот оно, — усмехнулся серебряный принц. Секундой позже его улыбка исчезла, и озабоченность снова украсила его элегантное лицо. — Я не против пойти с тобой домой, если ты что-то задумал. Мы утащим из кухни десерт и спрячемся на крыше. Как в старые добрые времена.

От его слов в груди Джона развернулись щупальца нежности, согревающие его сердце. Ему болезненно напомнили о том, как сильно он будет скучать по своему старшему брату и лучшему другу, когда его не станет.

Он искренне улыбнулся Эйгону и покачал головой. Как бы он ни хотел вернуться в дни их славы, усталость от дня начинала сгущаться. — И ты всю ночь носила меня с наседкой? — пошутил он. -- Угомонись. Увидимся утром. Обязательно вспомни все свои пьяные идиотии и потом расскажи мне об этом.

Эйгон на мгновение нахмурился, прежде чем кивнуть и ухмыльнуться. — Как будто я могу что-то скрыть от тебя, брат.

ooo

Джон едва сообразил, что добрался до своих покоев, пока не сбросил с себя всю одежду и не бросился на кровать. Со вздохом он перекатился на спину и уставился в потолок.

Он всегда любил свою комнату. Это было его пространство, его убежище. Он нашел утешение в его редкости, немедленное облегчение от хаоса остального дворца. Вместо сердитых темно-бордовых и рычащих драконов в его спальне царил более тихий дух, что-то прямо из сердца зимы. Стены были мягкого угольно-серого цвета, оттенка грозы и пепла: легкие, готовые быть

унесенными ветром в соленое море. Мебель из светлого мрамора и белого шелка напоминала облака, плывущие по темнеющему небу. Это был Север, запечатленный в красках, лед и волки, воюющие при каждом ударе.

Это напомнило ему, что он был частью чего-то другого, чего-то более дикого и неукротимого и очень далекого от Красного замка. Его глаза лениво скользили по пустым стенам, находя узоры в краске, которые менялись при каждом моргании. Рейнис и Эйгон находили бесплодие угнетающим, их собственные покои пестрели красным, солнцем и драконами. Как они спали в таком хаосе, было выше его понимания.

Его мысли с нежностью переключились на брата. Несмотря на все их споры, Эйгон всегда помогал ему в его «джон-настроениях», еще с тех пор, как они были детьми. Он не забыл, как впервые в нежном семилетнем возрасте оказался в ловушке отчаянных мыслей, запертый в своей комнате и паникующий по тому или иному поводу. Эйгон ворвался, словно вихрь упрямства и едва сдерживаемой энергии, утащив его на тренировочную площадку, чтобы бить палками по столбу. После этого они прокрались на кухню и украли целые тарелки с клубничными пирогами, приготовленными для вечеринки в гостях у Тайрелла, которая позже вечером. Насколько он помнил, они так и не пришли, часами поглощая десерты и прячась на крыше дворца. Королева послала на их поиски трех Королевских гвардейцев и была вне себя от беспокойства, когда никто не смог их найти. Их обнаружили только тогда, когда Эйгона вырвало через крышу от всех съеденных им пирогов, и он ударил Мейса Тирелла прямо по голове, когда тот выходил за ворота. Им обоим запретили есть десерты на всю луну.

Джон тихо рассмеялся про себя при этом воспоминании, вспомнив испуганное лицо лорда Тирелла при виде кроваво-красного месива, прилипшего к его голове. Это на неопределенный срок осветило ямку в его желудке.

— Это Мейс Тирелл? Он похож на мешок картошки.

Ее голос был таким громким и четким в его голове, что Джон в шоке оглядел свою комнату. Поняв, что он один, он тихо вздохнул.

— Арья, — обратился он к ней, — разве ты не должна спать? Уже поздно.'

Он практически мог слышать фырканье, вибрирующее через соединение.

— Я бы так и сделала, если бы ты был поспокойнее, — парировала она в ответ. « Так сложно пытаться игнорировать тебя».

Джон поморщился. Он был так поглощен своими мыслями, что забыл, что она была здесь. Вспышка ужаса пронзила его. Черт возьми, как долго она слушала?

С другой стороны повисла гробовая тишина, и Джон чувствовал, как она колеблется, прежде чем признаться: «Весь вечер». Ее голос быстро стал оборонительным. — Но я не хотел, клянусь! Ты был таким громким, и я тоже старался не думать, чтобы не беспокоить тебя, и...

«Арья».

— Честно говоря, это абсолютное убийство — пытаться успокоиться в собственной голове. Я имею в виду, как ты вообще...

— Арья!

Она застенчиво замолчала от его крика, или, ну, на самом деле такого крика, какой мог издать мысленный голос. Джон еще не вполне разобрался в логистике этого метода общения, поэтому относился к нему так же, как если бы она стояла перед ним. Казалось, это работает до сих пор.

— Я не сумасшедший, — тихо сказал он ей, поняв, что это правда. Он не был. Это была его ошибка, что он позволил своему разуму блуждать так свободно, а не ее. Она не могла контролировать, сколько информации проходит через связь, как он. Не было смысла останавливаться на смущении всего этого.

'Я действительно?' — недоверчиво спросила она.

'Да, действительно. Просто... забудь, что ты слышал. Я сейчас заткнусь, обещаю. С этими словами он откинул одеяло на своей кровати и заполз внутрь, укутавшись в его тепло. Усталость тяготила его кости, как свинец, и он хотел только набросить одеяло на голову и забыть о мире на несколько блаженных часов.

У Арьи, похоже, были другие планы. Ее присутствие все еще мерцало в его черепе, возбужденное и яркое, как пламя. Она напряженно думала, он чувствовал это, и это беспокоило ее так же непрерывно, как и его.

Со страдальческим вздохом он проглотил наживку. — Что случилось?

«Я никогда не думала, что мальчики тоже будут бояться жениться», — прямо сказала она с оттенком смущения. «Я думал... я думал, что только девушки должны были бросить все».

Его рот скривился, и он открыл глаза, чтобы посмотреть в потолок. От нее исходило искреннее удивление, как будто вся эта концепция просто сбила ее с толку.

— Да, ну, теперь ты знаешь, — коротко ответил он. Когда она не ответила сразу, он решил, что она закончила разговор. Джон перевернулся и прижался лицом к подушке, изо всех сил пытаясь не упасть в пустую яму, разорвавшую его внутренности.

Кажется, прошли секунды, минуты или часы, прежде чем Арья нарушила тишину. Ее размышления были тихими, но неумолимыми, как будто она вела внутреннюю битву за то, чтобы сказать что-то или нет. Джон почти мог понять, о чем она беспокоится, пока она наконец не прошептала: «Я тоже не хочу быть замужем. Я... на самом деле боюсь этого.

Джон был потерян, его разум был пуст, как снег. Слова Арьи вывели его из равновесия из-за искренней честности, стоящей за ними, и он не был уверен, как она хотела, чтобы он отреагировал. Это был вопрос доверия, и она прощупывала почву. Почему-то он действительно не хотел ее разочаровывать, поэтому осторожно продвинулся вперед с вопросом: «Почему?»

Она невесело рассмеялась. — По тем же причинам, что и ты. Я не хочу клетку. Я не хочу сидеть дома, рожать тысячу детей и просто выполнять свой долг. Это ужасный образ жизни».

«Тысяча детей кажется немного лишней. Это твоя личная армия прямо здесь.

Арья хихикнула, и он расцвел по линии связи, как весенние голуби. — Если так выразиться, все не так уж и плохо. Наличие собственной армии означало бы, что я могу делать все, что захочу.

«Должен ли я предупредить короля, что у нас в руках возможный повстанец?» — поддразнил он. «Арья Старк и тысяча ее волчат, угрожающих нашей многовековой династии. Насколько я помню, ты хотел, чтобы тебя запомнили за убийство дракона, хотя есть и худшие пути, чем

быть задушенным тысячей детей, целящихся в твои яйца.

Джон ухмыльнулся в темноту, когда ее мягкое хихиканье растворилось в безудержном смехе. Комок в его животе, казалось, сжимался с каждым мгновением, окутываемым ее весельем, и он чувствовал, что может дышать немного свободнее, тяжесть больше не давит на него так безжалостно.

Их смешки постепенно стихли, пока между ними не воцарилась успокаивающая тишина. Впервые Джон не возражал против того, чтобы не быть одному в своей голове. С ней было легче пошутить и отвлечься от своих черных мыслей, чем обычно с Рейнис или Эйгоном. Возможно, это было ночное небо, льющееся из его окна, сплетающее интимную паутину, которая казалась неразрывной в лунном свете. В темноте было трудно поднять его барьеры, особенно когда она все равно могла видеть сквозь них. Может быть, именно поэтому пороки мужчин были так заметны ночью. Это было время секретов и их отсутствия.

Он был охвачен моментом безумия, убаюканный комфортом своей постели и тишиной мира, выпалив: «Ты когда-нибудь убежишь? Просто... бросить все и отправиться навстречу приключениям, о которых мечтал?»

Арья была тиха — слишком тиха, ее мысли перемещались слишком быстро, чтобы он мог их разобрать, — так что Джон ждал, затаив дыхание. С каждым ударом сердца тяжесть ее ответа становилась все тяжелее, пропитывая воздух между ними. Он был на пороге извинений за такой нелепый вопрос, когда она наконец ответила: «Нет».

Он вздохнул, удивленный расползающимся в груди разочарованием. Какая-то его часть надеялась, что она подтвердит его самый тихий, самый мрачный сон, что он не ужасен, если думает об этом.

« Похоже, да », — угрюмо подумал он.

— Я имею в виду... я не могла просто так уйти, — поспешно объяснила она, почувствовав его досаду. Он чувствовал, как она подбирает слова, ее мысли путались во вспышках лиц ее семьи и непреодолимого страха подвести их. Лицо лорда Старка было самым заметным, его добрые серые глаза оценивали ее с теплой улыбкой. Мгновение спустя благородное лицо Стража сморщилось от боли, сожаление отразилось в его серебристых глазах, и смотреть на это стало почти невыносимо. — Я не могла так с ним поступить, — наконец добавила Арья с оттенком свирепости. «Одинокий волк умирает, но стая выживает. Я не могу просто бросить всех и вся».

— Ты бы пожертвовал своими мечтами ради семьи? По долгу службы?

«Я бы нашла способ заставить их увидеть, заставить их понять», — парировала она, страстно наполняя ее голос. Там тоже было сомнение, оттеняющее ее слова оттенком страха. « Они моя семья, моя стая. Они... они хотели бы, чтобы я был счастлив. Верно? »

Она закончила вопросом, на который у Джона не было четкого ответа. Он замолчал, уставившись на абстрактные фигуры на белоснежном потолке.

— Ты не страшен, если думаешь об этом, — успокаивающе прошептала ему Арья. — Я... я тоже иногда думал об этом.

— Тогда, может быть, мы оба просто ужасные люди, — пожаловался он, вызвав у нее взрыв смеха. Он подождал, пока она остановится, прежде чем, наконец, произнес слова, которые он ждал, чтобы сказать ей более трех дней. — Арья, прости, что раньше злился на тебя. Мне было

стыдно, и я набросился...

- Нет, я был идиотом. Я не должен был вот так вламываться в твою голову...

-- Действительно, это был несчастный случай. Никто из нас не мог понять...

— ...А потом я засунул свои воспоминания тебе в глотку, и, о боги, мне так жаль, Джон...

«Хорошо, скажем так, мы оба были неправы, и мы оба сожалеем», — прервал Джон с улыбкой, которую он почувствовал в ее зеркале. — Перемирие?

— Перемирие, — согласилась она.

Он мог чувствовать, как она дрейфует по нити, как ее сознание погружается в сон и выходит из него. Сдерживая зевоту, он позволил своим мыслям улетучиться и сметать паутину, блаженная волна снов угрожала увлечь его.

— Джон?

Он недостойно хмыкнул, уже наполовину уйдя.

— Мы друзья, не так ли? — тихо спросила Арья, почти боясь разрушить натянутую между ними хрупкость.

Он изо всех сил пытался вернуться в сознание, застигнутый врасплох во второй раз за ночь. 'Мы?' — спросил он, ошеломленный.

«Ну, я подумал, что когда два человека оказываются в ловушке связи, которая разделяет все их мысли и эмоции, это, по крайней мере, повод для какой-то дружбы. Разве вы не согласны? Это была шутка, но под всем этим скрывались отголоски неуверенности, как будто она ожидала, что он вот-вот даст ей отпор.

Как будто он когда-либо мог. Ее присутствие беспрепятственно проникало в его голову, освещая затянувшиеся тени и наполняя его мысли теплом. Улыбка невольно скользнула по его лицу. — Я бы сказал, что да. Друзья это.

Он представил, как она сияет перед ним, как счастливый изгиб ее сознания пробирается сквозь нить, заполняя его кости. Это была его последняя мысль, когда сон наконец полностью окутал его.

<http://tl.rulate.ru/book/80889/2498506>